

УДК 110.18

DOI: 10.17223/1998863X/57/12

Л.В. Шиповалова

О ВОЗМОЖНОСТИ СВОБОДЫ НАУКИ ОТ ПОЛИТИКИ¹

Прояснение тезиса о свободе науки от политики предполагает различение, во-первых, политики как борьбы за власть и как практики принятия общезначимых решений, а во-вторых, научной профессиональной и научной экспертной деятельности. Демонстрируется, что все элементы профессиональной деятельности содержат возможность включения во властное противостояние, а экспертная деятельность допускает возможность свободы от определенной политической позиции.

Ключевые слова: научная коммуникация, теория и практика, научная экспертиза, публичная политика, управляемость, власть.

Введение в проблему

Поводом для данного исследования явились дискуссии в отечественном публичном пространстве, связанные с тезисом «университет вне политики». Фактический контекст, к которому относится данный тезис, достаточно широк. Он включает и политическую активность представителей академического сообщества, и публичные выступления ученых, воспринимающиеся неизбежно в качестве экспертных суждений, и ограничения, накладываемые администраторами научно-образовательных учреждений на внешнюю научную коммуникацию ученых, где они репрезентируют явным или неявным образом академическое сообщество, частью которого являются. Также многообразны и даже противоречивы актуальные и возможные аргументы, сопровождающие этот тезис. С одной стороны, нельзя не признать идею автономии научных исследований сохраняющей свое значение и в современности, не признавать того, что научное познание непосредственно не связано с практической сферой, в том числе сферой политики [1. С. 12–16]. В противном случае наука, включаемая в общественные дебаты, рискует чистотой незаинтересованного исследования реальности. С другой стороны, деятельность научных экспертов представляет собой существенный элемент публичной политики. Владея соответствующими знаниями и компетенциями, ученые как эксперты могут вносить вклад и становиться ответственными не только за принятие адекватных решений на любом уровне власти, но и за организацию дискуссий и сотрудничества, за трансформацию системы управления в систему управляемости, где объекты политики становятся активными действующими лицами [2, 3]. В противном случае политическая деятельность остается научно необоснованной и может оказаться нерациональной. Однако политическая сфера связана с борьбой за распределение ресурсов, потому представление о нейтральности научной экспертизы идеализирует ситуацию [4]. В данной

¹ Статья подготовлена в рамках реализации проекта, поддержанного РФФИ, грант № 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости».

статье мы обратимся к прояснению условий разрешения противоречий между аргументами по поводу свободы университета от политики. Это прояснение предполагает *свободу* и как цель, коль скоро деятельность ученых, в том числе реализуемая в публичной сфере, может и должна становиться предметом не столько предписания власти любого уровня, сколько ответственного выбора.

Прежде всего необходимо конкретизировать поле работы. Речь будет идти именно о научной деятельности в ее отношении к политике; вопрос об образовательных процессах, несмотря на еще сохраняющееся объединение образования и исследования в современном университете, мы оставим в стороне. Даже если сфокусироваться на понимании университета как исследовательского института и, соответственно, на включении ученых в публичную политику, дискуссионность данной проблемы не ослабевает. Также будет лишь исходным пунктом, или предпосылкой, различие между политикой как борьбой за власть (*politics*) и как политическим курсом, который проводит правительство в различных сферах (*policy*) [5]. Во втором случае, связанном с принятием решений относительно важных общественных проблем, особое значение имеет сложно достижимая свобода от властных амбиций и ресурсов, присутствующих в случае первом. Через это различие политической деятельности, представленное в реальности многообразием смещений, может быть выражена и проблема свободы науки от политики. Наука может и должна включаться в деятельность по конкретизации общественных проблем и выработке компетентных решений, однако принятие определенной позиции относительно власти и требований ее субъектов приносит в жертву научную объективность, связанную с преодолением любой субъективной или партийной позиции¹. То есть наука может быть свободной и не свободной от политики в зависимости от того, как трактуется политическая деятельность.

В данном исследовании в фокусе внимания окажутся условия проблематичности обсуждаемого тезиса о свободе науки от политики, присутствующие в самой науке, характеризующие ее собственные интенции. Предполагается, что в сфере науки, так же как и в сфере политики, могут быть обнаружены различия, не позволяющие однозначно оценить этот тезис. Такие различия могут выявить неслучайность присутствия науки в политике посредством как необходимого участия в принятии решений, так и угрожающего научности включения в борьбу за власть. Центральный вопрос статьи можно сформулировать следующим образом: каковы характеристики и способности осуществления научной деятельности, определяющие условия конструктивного включения науки в сферу публичной научной коммуникации и посредством этого в сферу политики?²

¹ Подчеркнем, что вторая часть тезиса не означает невозможности включаться в борьбу за власть тем, кто занимается наукой. Речь идет лишь о том, что принятие партийной позиции не может быть обосновано посредством апелляции к авторитету науки. Напротив, в такой ситуации научная объективность требует, чтобы выступление в публичной сфере с определенной партийной позиции оставляло ее принципиально открытой сомнениям и критике [6].

² В формулировке данного вопроса мы исходим из того, что практики публичной научной коммуникации во многих смыслах можно рассматривать как практики политической коммуникации, причем не в последнюю очередь благодаря осуществлению этих взаимодействий посредством цифровых технологий [7].

Ответ на данный вопрос принадлежит предметному полю не столько политологии, сколько философии науки и социальной эпистемологии. Такой контекст оправдан и значим, поскольку условия включения научной деятельности в политическую сферу, будучи проясненными, перестают влиять на эту деятельность незаметно и, возможно, разрушительно. Кроме того, в результате прояснения спор относительно свободы науки от политики может сменяться конструктивным диалогом как в исследованиях науки, так и в коммуникативных практиках самих ученых. Данная тема, истоки которой можно найти еще в постмодернистских дебатах, связана с критикой ценностной нейтральности науки, с признанием ее контекстуальной, в том числе социально-политической, обусловленности. Она остается актуальной и будет раскрыта здесь в контексте проблематики публичной научной коммуникации. Опосредованно обсуждение данного вопроса имеет значение и для исследований политики. Анализ возможностей включения ученых в качестве научных экспертов в принятие общественно значимых решений, возможностей, позволяющих избегать субъективности партийной позиции и борьбы за распределение власти, связан с исследованием условий гражданского участия и управляемости, предполагающих сотрудничество и активность всех действующих лиц политических процессов. Такой анализ позволяет определить условия поддержки научными экспертами координирующих институциональных дизайнов управления [8. Р. 1410–1415].

Наука, экспертиза, политика – уточнение проблемы

Можно предположить, что ясность в этом вопросе может быть достигнута различением двух областей активности ученых: с одной стороны, собственно научной деятельности, которая осуществляется в академических организациях и сопровождается профессиональной научной коммуникацией, с другой – научной экспертной деятельности, реализуемой в сфере публичной политики (далее для краткости мы будем называть эти виды деятельности научной и экспертной)¹. Возможность и необходимость такого различения подчеркивают и специалисты в области публичной научной коммуникации [11]. Кажется, что оно способно разрешить проблематичность дискуссии, разведя по разные стороны субъектов академии, находящихся вне политики, освобожденных от нее указами администраций или собственной научной совестью, и экспертов-практиков, репрезентирующих своей деятельностью политизированную науку. Однако таким образом не достигается окончательное прояснение отношения научного и экспертного знания.

С одной стороны, научные эксперты осуществляют конструктивную медиацию, перевод научного теоретического знания в сферу его практической применимости. Сама по себе теоретическая достоверность знания еще не гарантирует его полезности, а также этической и социальной адекватности. Необходимо привнести или выявить присутствующие в нем допущения или выводы относительно действенности, выходящие за рамки теоретических представлений, уже признанных в своей истинности и обоснованности. При

¹ Говоря об экспертном знании и о деятельности экспертов, мы будем принимать в расчет только научную экспертизу, посредством которой осуществляется «перевод» научного знания в сферу публичной политики. О различных видах экспертов и экспертиз, с том числе не связанных непосредственно с наукой, см., напр.: [9, 10].

таким «переводом» теории в практику экспертное знание оказывается развитием знания научного¹. Однако последнее должно допускать такое развитие или перевод. С другой стороны, следует подчеркнуть, что экспертное знание играет роль не только связывающего посредника, но и разделяющего «при-вратника». В случае сближения и особенно отождествления экспертного практического знания со знанием научным, включающим и обоснованную теорию, возникают соблазн и опасность использования такого знания в интересах власти. Возможность использования обусловлена совмещением двух характеристик: однозначности экспертного практического знания, а также авторитета обоснованного теоретического научного знания². В таком положении была, например, расовая теория, претендующая одновременно на теоретическую обоснованность и практическую полезность, придавшая благодаря этому сближению научный характер нацизму [1. С. 96–104]. Такое различие экспертного и научного знания позволяет трактовать первое как одномерное сужение второго, а второе – как допускающее и иные обоснованные варианты действий.

Следует сделать уточнение о том, как ценностный однозначный характер экспертного знания соотносится с политической сферой и борьбой за власть как ее составляющей. Обратимся к различию, предлагаемому Ю. Хабермасом в контексте обсуждения вопроса о возможности экспертного знания способствовать демократизации управления [13]. Следуя определению М. Вебера, он, во-первых, выделяет децизионистскую модель, в контексте которой политик использует экспертное знание, но не подчиняется ему, реализуя принятием решения собственное понимание конкретной ситуации и осуществляя ответственный выбор «между конкурирующими ценностными порядками». Такое экспертное знание должно содержать вариативность рекомендаций и допускать различное использование. Во-вторых, может иметь место технократическая модель «онаученной политики», где практическое политическое действие подчиняется научно-технологической рациональности, учреждаемой как единственно возможная. В этом случае экспертное знание характеризуется однозначностью, делающей его основанием принятия решений. В-третьих, существует прагматическая модель, предполагающая диалог, взаимное обогащение и коррекцию практических общественных целей, осуществляемых решением политика, и научных рекомендаций, обсуждающих возможность этих целей и разрабатывающих стратегии их актуализации. В знании такого рода также допускается вариативность.

Первые две модели, согласно Хабермасу, не отвечают демократическому общественному устройству. В первом случае публика, допускаемая к выборам субъектов власти, но не к обсуждению содержания их решений, лишь легитимирует существующее правление. Здесь экспертное научное знание остается свободным по отношению к политике. Однако эту свободу следует назвать мнимой, поскольку пассивный по отношению к публичной политике субъект знания выводится за рамки возможной ответственности и тем самым

¹ Включаясь в общественные взаимодействия, научное знание приобретает дополнительную характеристику «социальной прочности» [12].

² Однозначность экспертного знания здесь предполагает осуществленный выбор относительно конкурирующих политических властных альтернатив, но не относится к предмету знания, однозначная трактовка которого сложно достижима в эпоху риска и неопределенности.

в определенном смысле также легитимирует властное решение. В случае реализации отношений в соответствии с технократической моделью общественное мнение и практика принятия решения подчиняются диктату научно-технической рациональности, предъявляемой в качестве единственно возможной. В этом случае экспертное знание само становится политикой и обнаруживает идеологический характер науки, едва ли не более опасный, поскольку власть в ней осуществляется от имени всеобщих законов самого по себе общества и природы [14. Р. 650]. Предоставляя решение политикам или требуя следовать определенному собственному решению, научные эксперты либо потворствуют конкретным властным субъектам, либо сами становятся субъектами власти. Третья же модель, описываемая философами прагматической ориентации, представляется Хабермасу перспективной, однако недостаточно разработанной в современных ему условиях отсутствия оснований для диалога субъектов власти и экспертов, диалога, предполагающего в первую очередь их совместный ответ на запрос общественного мнения. Представляется, что именно прагматическая модель описывает включение в практику принятия решений, позволяющее избежать явного или скрытого вовлечения в борьбу за власть, однако она еще должна быть продемонстрирована в своей возможной реализации.

В контексте высказанных соображений об отношении научного и экспертного знания, а также об отношениях экспертов и субъектов власти, поставленный нами общий вопрос распадается на два следующих: Каковы условия возможности перевода научного теоретического знания в знание практическое экспертное и, соответственно, возможности соединения науки и политики? Каковы способы включения экспертного знания в политическую сферу без подчинения политике как борьбе за приобретение и сохранение власти? Ответы на эти вопросы будут даны в следующих двух разделах.

О (не)свободе от политики научной теории

Р. Грундманн, исследуя статус и роль экспертов в современном обществе знания, полагает, что различие между наукой и экспертизой достаточным образом описывается в терминах теоретического / практического или знания / деятельности. Экспертиза приближает возможность действия, от которого далека наука [9. Р. 28]. Представляется, что такому различию отчасти следует и специалист в области публичной научной коммуникации Х.П. Петерс, определяющий деятельность ученых в качестве экспертов как *использование* научного знания для «публичной реконструкции ненаучных проблем» [11. Р. 70]. «Ненаучные проблемы» могут быть связаны с принятием конкретных решений разного уровня общественной значимости: относительно поведения в условиях техногенной катастрофы или эпидемической опасности, стратегии реформирования системы управления, производства работ по благоустройству города и т.п. Грундманн отмечает тенденцию современных исследований науки к смешению теоретического и практического знания, а также сфер знания и принятия решений. Смешение, по его мнению, не позволяет выявить работу перевода, который осуществляется в конкретной политической ситуации [9. Р. 43–44]. Однако представляется, что очищающее различие делает невидимыми условия возможности перевода. Как можно определить эти

условия, присутствующие в самой науке элементы, задающие возможность ее применения в практической политической сфере?

М. Вартофский, описывая возникновение существенного для науки различия в характере исследовательской деятельности в начале нового времени, характеризует его следующим образом: «В основание современной науки и философии была введена следующая альтернатива: реализм – инструментализм... При первом понимании наука говорит о реальности или описывает реальность с целью познания, причем „реальность“ считается независимой от нашего восприятия или познания; при втором понимании наука говорит о нашем опыте или о наших экспериментальных данных и лишь добывается их эффективного упорядочивания, которое может использоваться в качестве инструмента для предсказания» [15. С. 56–57]¹. Предсказание наряду с объяснением следует отнести к теоретической деятельности. Однако именно предсказание (и знание, ему соответствующее), включенное в науку, делает ее *возможно* полезной. Потому можно проинтерпретировать инструменталистское понимание науки как условие превращения теории в практику. По мнению Вартофского, такое положение дел в конечном итоге приводит к актуализации критики, причем не только позитивистского, но и марксистского толка, относительно абстрактного понимания науки и философии как исключительно представления независимой реальности [Там же. С. 57–61]. Отметим, что истолкование научного метода в критическом рационализме К. Поппера также включает формирование предложений-ожиданий, которые ставят научные высказывания в ситуацию риска подтверждения или опровержения фальсифицирующим предложением, описывающим возможный будущий опыт. Желательность предсказанного опыта или ее отсутствие может стать поводом для принятия решений по практической работе с реальностью. То есть предсказание и инструментальность как характеристики научной теоретической деятельности представляют собой условия перевода этой деятельности в статус практической.

Возникновение такой альтернативы в характере современной науки и ее присутствие в интеллектуальной истории европейской традиции не могут быть здесь предметом развернутой экспликации. Отметим только, что такое истолкование подтверждают историко-научные исследования, демонстрирующие связь новоевропейской науки и ее практического применения. Б. Коэн, описывая стадии научной революции и учитывая в том числе новоевропейский опыт, в качестве последней называет применение исследований [17. Р. 28–31]. Д. Вуттон приводит многочисленные свидетельства новоевропейской практической ориентации науки в разделе «Знание – сила» своего труда о научной революции и начинает этот раздел с достаточно показательного высказывания Р. Бойля: «Я никогда бы не поставил физиологию так высоко, как теперь, если бы думал, что она может лишь научить человека понимать природу, но не управлять ею, и что она служит лишь для того, чтобы приятными догадками услаждать его разум, не повышая его силу» (цит. по: [18. С. 423]).

¹ Подчеркнем значение этого различия для рефлексии научности современных социальных исследований. Так, Ф.А. Шротт, рассуждая о проблемах методологии политических наук, подчеркивает значение предсказания как существенного элемента, характеризующего научность исследований, надстраивающегося с необходимостью над недостаточным объяснением [16].

Следует отличать истолкование науки как инструментально ориентированной деятельности от понимания Б. Латуром или Я. Хакингом лабораторной науки как практики, направленной на вмешательство или непосредственную работу с реальностью. В подходе Вартофского, который можно назвать марксистским, в конечном итоге звучит подчеркивание ориентации науки на изменение действительности, а не только на познание ее. Однако данные подходы к пониманию науки переводимы друг на друга, поскольку, во-первых, научное знание понимается в этих случаях как работа с реальностью и прогнозирование будущего опыта [15. С. 56]. Во-вторых, они представляют собой различные способы критики репрезентативистского понимания науки исключительно как представления независимой реальности. Самое главное, в-третьих, в социальных и гуманитарных науках как прогнозирование, так и эмпирические исследования, особенно при предъявлении публике и субъектам власти их результатов, способны менять социально-политическую реальность¹.

Какое значение для связи науки и политики имеет альтернатива, обнаруживаемая Вартофским в основаниях науки? На первый взгляд, она может задавать возможную границу между свободой и несвободой науки от политики уже внутри науки. По одну сторону границы окажется инструменталистский характер науки, представляющий собой возможность практического, в том числе политического, применения. По другую сторону – нейтральный характер представления реальности. Однако это не совсем так. Современные исторические и социальные исследования науки свидетельствуют о том, что так называемая «чистая» наука всегда была связана с «технически и социально опосредованной реальностью» [21. С. 48], они демонстрируют, что отказ от марксистского принципа единства теории и практики порой оказывается неразрывно связан с феноменом идеологизированной науки [22]. Более того, защитники науки как независимого представления реальности, существующего вне всякой связи с практической деятельностью и стремлением изменить мир, критикуя такую связь и такое стремление, порой явным или неявным образом оказываются на стороне определенной политической позиции.

Так, о возможности соотнесения позиции «правых» и «левых» в политике, с одной стороны, а также реалистов и конструктивистов в исследованиях науки – с другой, в период так называемых научных войн, последовавших за провокацией А. Сокала, пишет Дж. Р. Браун [23. Р. 1–28]. Не менее характерная ситуация связана с недавним розыгрышем Дж. Линдси, Х. Планкроуз и П. Богосяна, выступивших от имени науки как незаинтересованного, идеологически не мотивированного стремления к истине, против критической социальной теории и так называемых «жалобных» исследований меньшинств [24]. Яркие примеры высказываний по поводу этого розыгрыша приводят Н.К. Денцин и М.Д. Джардина, демонстрируя политический, а не только эпистемологический характер развязавшихся дискуссий [25. Р. 1–16]. Данный

¹ Неслучайно опросы, проводимые специалистами в области публичной научной коммуникации, показывают значительное присутствие научных экспертных высказываний в диалогах ученых с журналистами, причем эта доля существенно выше именно для представителей гуманитарных и социальных наук [19. Р. 71]. Ярким примером воздействия научного знания на политику может служить кейс, показывающий, как представленные в публичном пространстве результаты исследований в области урбанистики, реализуемые на стыке географии и социологии, повлияли на отношение власти к проблеме сегрегации в городском пространстве Финляндии [20].

кейс, имеющий на поверхности целью разоблачение научной недобросовестности издателей, рецензентов и ученых, показывает неявную ангажированность разоблачителей (и порой явно консервативную позицию их защитников), выбравших в качестве объекта розыгрыша именно исследования, которые не скрывали свою критическую социально-политическую направленность.

Указанные примеры показывают, что наука, даже в том модусе, который выглядит предельно далеким от политической сферы, может также оказаться несвободной от политики. Особенно если ее защитники выступают против ученых, открыто участвующих в политике на определенной стороне. Такая связь «чистой» науки с политикой становится тем более опасной, когда от ее имени произносятся запреты на участие ученых в политической деятельности, на применение в ней результатов научных исследований. В этом случае научное сообщество становится полем идеологических противостояний. Следует подчеркнуть, что здесь речь идет только о *возможности* включения научной деятельности в политическую борьбу, всегда присутствующей в различных элементах научной деятельности, а также о том, что выступление от имени науки во всеоружии научного метода еще не гарантирует свободу от властных амбиций. Эта возможность не тождественна неизбежности; актуальным жестом, не позволяющим первой превратиться во вторую, остается освобождение от лишних иллюзий относительно «чистоты» научной теории.

В заключительном разделе статьи описание ситуации относительно научного знания и его возможного включения в политику будет дополнено описанием научной экспертизы, которая представляет собой пограничное знание – непосредственный перевод теоретического в практику социально-политической жизни. При этом будет показано, как может быть реализовано освобождение научного экспертного знания, включающегося в практику принятия значимых общественных решений, от борьбы за власть.

О свободе от политики научной экспертизы

Фигура эксперта и образ экспертных организаций, включающихся в борьбу за власть, хорошо описаны как в зарубежной, так и в отечественной литературе. Их деятельность представлена консультационными организациями, разрабатывающими реализацию конкретного плана властных элит (например, по осуществлению сценария выборов) [26] или высказываниями, в которых дано решение проблемы, уже содержащее план действий для определенного политического курса и ценностный выбор (например, в пользу позиции консервативно или либерально настроенной части населения)¹. Такого рода деятельность может быть описана в терминах Э. Гуссерля, определяющего синтез теоретической и практической установок, как использование результатов теории, «отпавших от универсального теоретического разума» в «практике естественной жизни» [28. С. 643–644]. Следует присмотреться к альтернативе, к экспертным действиям, избегающим борьбы за власть и тем не менее способствующим решению проблем. Альтернатива может быть

¹ Описывая такую активную роль ученого, настаивающего на определенном выборе в отношении принятия решений, Р. Пилке называет ее *issue advocacy*. Роль эксперта, реализующего универсальную критику, о которой будет сказано ниже, может быть соотнесена, хотя и не отождествлена, с тем, что Пилке определяет посредством термина «честный посредник» (*honest broker*). [27. P. 2].

представлена не только вариативными экспертными советами децизионистской модели, которая описывается как устранение из политического коммуникативного поля с пассивным включением в борьбу за власть. Альтернативная экспертная деятельность может быть реализована посредством критики, звучащей, однако, не с определенной партийной позиции, но, по выражению Э. Гуссерля, «универсальной критики всей жизни и всех жизненных целей» [28. С. 644].

Направления и примеры такой деятельности экспертов приводит М. Нисбет, подчеркивая, что именно политическая поляризация, в том числе экспертных позиций вокруг значимых общественных проблем, препятствует принятию решений и выработке адекватных мер [29]¹. Деятельность экспертов как «универсальная критика» может и должна стремиться освободить от политической поляризации практику решения проблем, реализуя посредничество между полюсами. Первое направление критики направлено против абстрактной формулировки требующей решения проблемы, далекой от непосредственного интереса конкретных граждан, именно в силу этого вызывающей подозрения в экономической и политической ангажированности решений. В этом случае эффективны трансформация или открытый перевод некоторых слишком «холодных» в смысле заинтересованности публики или, напротив, слишком «горячих» в смысле возможной заинтересованности бизнеса и власти пунктов обсуждения на те темы, в которых очевиден общий интерес и не только политический характер дискуссий. Например, проблемы климатических изменений, порой раздражающие публику, особенно если они предъясняются в контексте обсуждения национальной безопасности, напротив, находят отклик в случае их перевода на конкретные вопросы о влиянии изменений климата на здоровье [29. Р. 179–180]. Второе направление критики выступает против ценностной и технологической однозначности подходов к решению проблемы. В этом случае именно эксперты способны предлагать диверсификацию способов решения, представляющихся не столь радиальными в политическом и дорогостоящими в экономическом смысле, а потому более доступными для принятия различными сторонами. Кроме того, посредническая роль научных экспертов может заключаться в проведении публичных дискуссий (в том числе между представителями различающихся политических позиций), с подчеркиванием не только и не столько конкурентных преимуществ той или иной позиции, но и границ любого конкретного подхода в условиях неопределенности.

Дополним последний пункт Нисбета: «универсальная критическая» деятельность научных экспертов может заключаться в присоединении к публичным дискуссиям как можно большего числа заинтересованных лиц, в демонстрации значения решения проблемы для представителей различных политических позиций [20]. Дополнительной стратегией второго направления критики могут быть обнаружение за определенным «незаинтересованным» экспертным высказыванием однозначности ценностных властных

¹ Например, исследования выявили связь между скептицизмом или активизмом в отношении климатических проблем с одной стороны и иерархическим индивидуализмом (соответствующим правым политическим взглядам) или эгалитарным коммунитаризмом (близким позиции левых) с другой. О поляризации позиций относительно экологического кризиса и о формировании активной позиции граждан в этих вопросах посредством распространения научных знаний см. также: [30]

предпочтений и, соответственно, выявление ненаучности такой экспертизы, ее скрытой несвободы от политики в смысле борьбы за власть. Так, в уже упомянутом нами примере исследований в области урбанистики в Финляндии выявляется, что за профессиональной научной коммуникацией и дебатами относительно границ методологии и представления данных могут скрываться интересы ученых, работающих в управлении городом и отстаивающих уже принятый курс действий [20. Р. 410]. Можно сказать, что представленные направления критики демонстрируют возможность практической реализации прагматической модели коммуникации экспертов и власти Ю. Хабермаса.

Заключение

Тезис о свободе науки от политики представляется далеко не однозначным. Он сам может звучать в контексте защиты определенной политической позиции. Прояснение этого тезиса предполагало, во-первых, указание на различие политики как борьбы за власть и как практики принятия решений в значимых сферах общественной жизни, а во-вторых, различие профессиональной научной и научной экспертной деятельности. Было показано, что различные элементы собственно научной деятельности, как бы они не были далеки от практической сферы, содержат *возможность* включения во властное противостояние. Кроме того, было отмечено, что научная экспертная деятельность, несмотря на свой очевидно практический характер, допускает *возможность* свободы от определенной политической позиции и включение в конструктивную политическую коммуникацию, предполагающую рациональное обоснование политики. Такое включение было соотнесено с концептом универсальной критики. Данное исследование, проводимое на перекрестке публичной научной и политической коммуникации, может служить прояснению и в конечном итоге действительной свободе науки в политической сфере, коль скоро свобода может трактоваться как ответственное действие, включающее осознание его оснований.

Литература

1. *Грундманн Р. Штер Н.* Власть научного знания. СПб. : Алетей, 2015. 324 с.
2. *Сморгунов Л.В.* Институционализация управляемости и проблема контроля в пространстве цифровых коммуникаций // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 3. С. 62–75.
3. *Koiman J.* Exploring the Concept of Governability // Journal of Comparative Policy Analysis. 2008. Vol. 10, is. 2. P. 171–190.
4. *Коулбач Х.* Политика // Публичная политика: от теории к практике / ред. Н.Ю. Данилова, О.Ю. Гурова, Н.Г. Жидкова. СПб. : Алетей, 2008. С. 35–50.
5. *Гельман В.Я.* Politics versus policy: технократические ловушки постсоветских реформ // Политика. 2017. Т. 85, № 2. С. 32–59.
6. *Shipovalova L.V.* Max Weber's 'Inconvenient Facts' and Contemporary Studies of Public Science Communication // Social Epistemology. 2020. Vol. 34 (2). P. 130–141.
7. *Scheufele D.A.* Science Communication as Political Communication // PNAS. 2014. Vol. 111 (4). P. 13585–13592.
8. *Hofmann J., Katzenbach Ch., Gollatz K.* Between coordination and regulation: Finding the governance in Internet governance // New media and Society. 2017. Vol. 19 (9). P. 1406–1423.
9. *Grundmann R.* The Problem of Expertise in Knowledge Societies // Minerva. 2017. Vol. 55. P. 25–48.

10. Turner S. What is the Problem with Experts? // *Social Studies of Science*. 2001. Vol. 31 (1). P. 123–149.
11. Peters H.P. Scientists as public experts: expectations and responsibilities. // *Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology* / ed. by M. Bucchi, B. Trench. London ; New York : Routledge, Taylor & Francis Group, 2014. P. 70–82.
12. Ivancheva L. The Concept of “Socially Robust Science” – Reasons for Introducing, Basic Characteristics, and a Method of Measurement // *Sociology of Science and Technology*. 2018. Vol. 9, № 3. P. 7–17.
13. Хабермас Ю. Онаученная политика и общественное мнение // Хабермас Ю. *Техника и наука как «идеология»*. М. : Праксис, 2007. С. 136–166.
14. Feenberg A. A Critical Theory of Technology // *Handbook on Science and Technology Studies* / eds. U. Felt, R. Fouché, C.A. Miller, L. Smith-Doerr. Cambridge, MA : MIT Press, 2017. P. 635–664.
15. Вартофский М. Эвристическая роль метафизики в науке // *Структура и развитие науки* / ред. Б.С. Грязнова, В.С. Садовского. М. : Прогресс, 1978. С. 43–110.
16. Schrod P.A. Seven Deadly Sins of Contemporary Quantitative Political Analysis // *APSA 2010 Annual Meeting Paper*. URL: <https://ssrn.com/abstract=1661045> (accessed: 13.04.2020).
17. Cohen I.B. *Revolution in Science*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1987. 732 p.
18. Вуттон Д. Изобретение науки: новая история научной революции. М. : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2018. 656 с.
19. Peters H.P. Gap between science and media revisited: scientists as public communicators // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2013. Vol. 110 (3). P. 14102–14109.
20. Esko T., Tuomainen J. Achieving the social impact of science: an analysis of public press debate on urban development // *Science and Public Policy*. 2019. Vol. 46 (3). P. 404–414.
21. Столярова О.Е. Можно ли говорить о грехопадении науки? // *Эпистемология и философия науки*. 2019. Т. 56, № 3. С. 45–50.
22. Бажанов В.А. Марксизм и вульгарный социоцентризм. Парадоксы марксистской теории и практики // *Философский журнал*. 2020. Т. 13, № 1. С. 97–109.
23. Brown J.R. *Who Rules in Science?* Cambridge, MA ; London : Harvard University Press, 2001. 236 p.
24. Academic Grievance Studies and the Corruption of Scholarship. URL: <https://areomagazine.com/2018/10/02/academic-grievance-studies-and-the-corruption-of-scholarship/> (accessed: 13.04.2020).
25. Denzin N.K., Giardina M.D. *Introduction Qualitative Inquiry at a Crossroads: Political, Performative, and Methodological Reflections*. New York : Routledge, 2019. 214 p.
26. Сунгуров А.Ю. Фабрики мысли и экспертное сообщество в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и на Северном Кавказе // *Политическая концептология : журнал междисциплинарных исследований*. 2017. № 2. С. 115–137.
27. Pielke R. *The Honest Broker: Making Sense of Science in Policy and Politics*. New York : Cambridge University Press. 2007. 187 p.
28. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Гуссерль Э. *Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука*. Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2000. С. 625–665.
29. Nisbet N.C. Engaging in science policy controversies: insights from the US climate change debate // *Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology* / ed. by M. Bucchi, B. Trench. London ; New York : Routledge, Taylor & Francis Group, 2014. P. 173–185.
30. Watts E., Hofffeld U., Levit G.S. Climate science can't be trumped: a look at how to translate empirical data into political action // *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 2019. Vol. 35, is 1. P. 145–158.

Lada V. Shipovalova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).
E-mail: ladaship@gmail.com, l.shipovalova@spbu.ru
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 57. pp. 128–140.
DOI: 10.17223/1998863X/57/12

ON THE POSSIBLE AUTONOMY OF SCIENCE FROM POLITICS

Keywords: science communication; theory and practice; scientific expertise; public policy; governability, power.

The article clarifies the thesis about the autonomy of science in the political sphere. This clarification is topical since the thesis is far from unambiguous: it itself can be heard in the context of defending a certain political position. The clarification of this thesis implies, firstly, a distinction between politics as a struggle for power and policy as a practice of decision-making in important areas of public life and, secondly, a distinction between professional scientific research activity and activities of scientists as experts. The author shows that various elements of the scientific theoretical activity, no matter how far they are from the practical sphere, contain the possibility of engaging in politics as a struggle for power. The author also demonstrates that activity of scientists as experts, despite its obviously practical nature, allows the possibility of independence from a certain political position and participation in constructive political communication that assumes a rational justification of policy. The author correlates this participation with the concept of universal criticism (Edmund Husserl) and the mediated role of scientific experts as honest brokers (Roger Pielke). This research is conducted at the intersection of philosophy of science and social epistemology, as well as political research. The problem of sociopolitical dependency of professional scientific activity is revealed in the context of public science communication. The analysis of conditions of engaging scientists as scientific experts in making socially significant decisions, while avoiding the subjectivity of any party position and the struggle for power distribution, intersects with the study of the conditions of civic participation and governability involving cooperation and activity of all actors of political processes. This analysis allows determining the conditions for scientific experts to support coordinating institutional governance designs. Moreover, this research can serve to clarify and achieve the autonomy of science in political sphere.

References

1. Grundmann, R. & Stehr, N. (2015) *Vlast' nauchnogo znaniya* [The Power of Scientific Knowledge]. Translated from German. St. Petersburg: Aleteyya.
2. Smorgunov, L.V. (2019) Institutionalization of Governability and the Problem of Veillance in the Space of Digital Communication. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk – South-Russian Journal of Social Sciences*. 20(3). pp. 62–75. (In Russian). DOI: 10.31429/26190567-20-3-62-75
3. Kooiman, J. (2008) Exploring the Concept of Governability. *Journal of Comparative Policy Analysis*. 10(2). pp. 171–190. DOI: 10.1080/13876980802028107
4. Colebatch, H. (2008) Politika [Policy]. In: Danilov, N.Yu., Gurov, O.Yu. & Zhidkov, N.G. (eds) *Publichnaya politika: ot teorii k praktike* [Public policy: from theory to practice]. Translated from English by V. Pasyukov, Y. Gurov. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 35–50.
5. Gelman, V. (2017) Politics versus Policy: Technocratic Parts of Post-Soviet Reforms. *Politeia*. 2(85). pp. 32–59. (In Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2017-85-2-32-59
6. Shipovalova, L.V. (2020) Max Weber's 'Inconvenient Facts' and Contemporary Studies of Public Science Communication. *Social Epistemology*. 34(2). pp. 130–141. DOI: 10.1080/02691728.2019.1695013
7. Scheufele, D.A. (2014) Science Communication as Political Communication. *PNAS*. 111(4). pp. 13585–13592. DOI: 10.1073/pnas.1317516111
8. Hofmann, J., Katzenbach, Ch. & Gollatz, K. (2017) Between coordination and regulation: Finding the governance in Internet governance. *New Media and Society*. 19(9). pp. 1406–1423. DOI: 10.1177/1461444816639975
9. Grundmann, R. (2017) The Problem of Expertise in Knowledge Societies. *Minerva*. 55. pp. 25–48. DOI 10.1007/s11024-016-9308-7
10. Turner, S. (2001) What is the Problem with Experts? *Social Studies of Science*. 31(1). pp. 123–149. DOI: 10.1177/030631201031001007
11. Peters, H.P. (2014) Scientists as public experts: expectations and responsibilities. In: Bucchi, M. & Trench, B. (eds) *Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology*. London and New York: Routledge, Taylor & Francis Group. pp. 70–82.
12. Ivancheva, L. (2018) The Concept of “Socially Robust Science” – Reasons for Introducing, Basic Characteristics, and a Method of Measurement. *Sociology of Science and Technology*. 9(3). pp. 7–17. DOI: 10.24411/2079-0910-2018-10010
13. Habermas, J. (2007) *Tekhnika i nauka kak “ideologiya”* [Technology and Science as ‘Ideology’]. Translated from German by M.L. Khorkov. Moscow: Praksis. pp. 136–166
14. Feenberg, A. (2017) A Critical Theory of Technology. In: Felt, U., Fouché, R., Miller, C.A. & Smith-Doerr, L. (eds) *Handbook on Science and Technology Studies*. Cambridge, MA: MIT Press. pp. 635–664.

15. Wartofsky, M. (1978) Evristicheskaya rol' metafiziki v nauke [Heuristic role of metaphysics in science]. In: Gryaznov, B.S. & Sadovsky, V.S. (eds) *Struktura i razvitie nauki* [Structure and Development of Science]. Translated from English. Moscow: Progress. pp. 43–110.
16. Schrodt, P.A. (2010) Seven Deadly Sins of Contemporary Quantitative Political Analysis. *APSA 2010 Annual Meeting Paper*. DOI: 10.2139/ssrn.1661045
17. Cohen, I.B. (1987) *Revolution in Science*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
18. Wootton, D. (2018) *Izobretenie nauki: Novaya istoriya nauchnoy revolyutsii* [The Invention of Science. A New History of the Scientific Revolution]. Translated from English by Yu. Goldberg. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus.
19. Peters, H.P. (2013) Gap between science and media revisited: scientists as public communicators. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 110. Supplement 3. pp. 14102–14109. DOI: 10.1073/pnas.1212745110
20. Esko, T. & Tuunainen, J. (2019) Achieving the social impact of science: An analysis of public press debate on urban development. *Science and Public Policy*. 46(3). pp 404–414. DOI: 10.1093/scipol/scy067
21. Stoliarova, O.E. (2019) Can We Talk about the Fall of Science? *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 56(3). pp. 45 – 50. (In Russian). DOI: 10.5840/eps20195646.
22. Bazhanov, V.A. (2020) Marxism and ideologized science phenomenon. Paradoxes of Marxist theory and practice. *Filosofskiy zhurnal – The Philosophy Journal*. 13(1). pp. 97–109. (In Russian). DOI 10.21146/2072-0726-2020-13-1-97-109
23. Brown, J.R. (2001) *Who Rules in Science?* Cambridge (Mass) & London: Harvard University Press.
24. *Academic Grievance Studies and the Corruption of Scholarship*. [Online] Available from: <https://areomagazine.com/2018/10/02/academic-grievance-studies-and-the-corruption-of-scholarship/> (Accessed: 13th April 2020).
25. Denzin, N.K. & Giardina, M.D. (eds) (2019) *Introduction Qualitative Inquiry at a Crossroads: Political, Performative, and Methodological Reflections*. New York: Routledge.
26. Sungurov, A.Yu. (2017) Think tanks and expert community in Moscow, St. Petersburg, Nizhny Novgorod, and the North Caucasus. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal mezhdistsiplinarnykh issledovaniy – The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*. 2. pp 115–137. (In Russian).
27. Pielke, R. (2007) *The Honest Broker: Making Sense of Science in Policy and Politics*. New York: Cambridge University Press.
28. Husserl, E. (2000) *Logicheskie issledovaniya. Kartezianskie razmyshleniya. Krizis evropeyskikh nauk i transsendental'naya fenomenologiya. Krizis evropeyskogo chelovechestva i filosofii. Filosofiya kak strogaya nauka* [Logical research. Cartesian Reflections. The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. The crisis of European humanity and philosophy. Philosophy as a rigorous science]. Translated from German. Minsk: Harvest; Moscow: AST. pp. 625–665.
29. Nisbet, N.C. (2014) Engaging in science policy controversies: insights from the US climate change debate. In: Bucchi, M. & Trench, B. (eds) *Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology*. London and New York: Routledge, Taylor & Francis Group. pp. 173–185.
30. Watts, E., Hoßfeld, U. & Levit, G.S. (2019) Climate science can't be trumped: a look at how to translate empirical data into political action. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya – Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 35(1). pp. 145–158. (In Russian). DOI: 10.21638/spbu17.2019.112